

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ДНЯ

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ: ПРАВОВОЙ РАКУРС¹

© 2014 г. Георгий Михайлович Вельяминов²

Краткая аннотация: государственный переворот на Украине установил неконституционную власть. Крымский референдум легитимен согласно международному праву и принципу самоопределения народов. Нацификационные процессы на Украине подрывают безопасность России.

Annotation: state coup in Ukraine – an installation of unconstitutional power. The referendum in the Crimea is legal in accordance with International Law and Principle of Self-Determination of Peoples. Nazification processes in Ukraine are dangerous for Russia's Security.

Ключевые слова: украинский кризис, крымский референдум, принцип самоопределения народов, нацификация, безопасность.

Key words: Ukrainian crisis, Referendum in the Crimea, principle of Self-Determination of Peoples, nazification, security.

1. Государственный переворот на Украине и вопрос о легитимности новой власти

На Украине произошел антиконституционный государственный переворот с использованием так называемой “оппозицией” незаконных вооруженных формирований националистического окраса под флагами военных преступников Бандеры и Шухевича.

Переворот произведен был “оппозицией” с нарушением ее же Соглашения от 21 февраля 2014 г. с действовавшей конституционной властью во главе с президентом В.Ф. Януковичем. Соглашение было гарантированно подписано официальными представителями Германии, Польши и Франции. Несмотря на демонстративное в тот же день нарушение “оппозицией” этого Соглашения и на вооруженный захват ею власти, названные страны-гаранты “умыли руки” и с удовлетворением признали легитимным созданное “оппозицией” правительство, которое сами же и проталкивали во власть. Россия же не связана ни упомянутым Соглашением, ни обязательством признавать антиконституционный порядок, сложившийся на Украине.

Власть, захваченная вооруженной силой – “оппозицией” – на Украине, антиконституционна,

прямо нарушает, в частности, ст. 5 Конституции Украины (в ред. от 19 сентября 2013 г.), гласящую, что “никто не может узурпировать государственную власть”³.

Статьи 17 и 37 Конституции Украины запрещают создание и функционирование каких-либо вооруженных формирований, не предусмотренных законом (в том числе при партийных и общественных организациях). “Оппозиция”, захватив власть, первым делом поспешно “легализовала” противозаконные пробандеровские националистические, явно заранее вооруженные бандформирования, фактически приведшие “оппозицию” во власть.

Статья 111 Конституции о процедуре импичмента президента была совершенно проигнорирована новой “властью” в отношении В.Ф. Януковича, хотя всего лишь за день до переворота “оппозиция” подписала с ним Соглашение, тут же демонстративно ею нарушенное.

Статья 112 предусматривает, что в случаях досрочного прекращения полномочий президента Украины (ст. 108–111 Конституции) исполнение обязанностей президента на период до избрания и вступления на пост нового президента возлагается на премьер-министра Украины. Исполнение этих обязанностей фактически было узурпировано председателем Верховной Рады и является неконституционным, как и все его акции от имени исполняющего обязанности президента.

¹ Рукопись статьи представлена в редакцию 24 марта 2014 г.

² Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ, доктор юридических наук, профессор (E-mail: nn1962@yandex.ru).

³ http://ru.wikipedia.org/wiki/Конституция_Украины

При этом полномочия президента, предусмотренные п. 2, 6, 8, 10–12, 14–16, 22, 25, 27 ст. 106 Конституции, в частности назначение всеукраинских референдумов, назначение членов Кабинета министров, руководителей ряда других центральных органов исполнительной власти, председателей местных государственных администраций и прекращение их полномочий, назначение Генерального прокурора и ряда других лиц высокого статуса, отмена актов Кабинета министров Украины и актов Совета министров АР Крым, назначение трети состава Конституционного суда Украины и т.д., вообще не могли выполняться и.о. президента, тем более неконституционным.

Любые изменения действующей Конституции Украины 1996 г. (кроме разд. I “Общие положения”, разд. III “Выборы. Референдум” и разд. XIII “Внесение изменений в Конституцию Украины”) должны быть предварительно одобрены большинством от конституционного состава Верховной Рады (т.е. 450 народных депутатов – ст. 76 Конституции) и действуют, если на следующей *очередной* сессии Верховной Рады за них проголосовало не менее двух третей от конституционного состава Верховной Рады. Согласно ст. 156 изменения в упомянутых разд. I, III и XIII Конституции кроме одобрения не менее чем двумя третями конституционного состава Верховной Рады утверждаются всеукраинским референдумом.

Соответственно, любые изменения Конституции 1996 г., которые могли быть декларированы “оппозиционной” властью, тем более под диктатом вооруженных пробандеровских бандформирований, нелегитимны.

Что касается так называемого “майдана”, юридически это не более чем бессрочные демонстрации и митинг, организованные оппозиционными силами. У “майдана” нет каких-либо конституционных властных прерогатив, но демонстрируется как бы стихийное “прямое народоправство”. Однако фактически это не более чем фикция. Политически же это – испытанное и эффективное средство (Киев, Тбилиси и т.д.) тщательно организованных государственных переворотов под явственно наблюдаемым иностранным патронажем. На известном киевском “майдане”, кстати, представлена была лишь некоторая часть киевлян, а в основном – организовано доставленные из Западной Украины националисты, включая их бандформирования в составе военизированных “сотен”.

Резюме. Действующая после февральского переворота власть на Украине конституционно нелегитимна.

Если же антиконституционный статус и действия новой власти на Украине оправдывать “майданной” революционностью, с такой же степенью правомерности следует подходить к действиям и другим “митинговым” и т.п. сил в других регионах, включая Крым, а не только киевско-галицийского “майдана”. Об этом, однако, почему-то забывается украинской новой властью и ее заокеанскими и европейскими “опекунами”, когда дело касается Юго-Востока страны.

2. Легитимность референдума 16 марта 2014 г. в Крыму о воссоединении его с Россией или же о сохранении Крыма в составе Украины

В историческом аспекте внутрисоюзная передача административного, по сути, управления Крымом от РСФСР к СССР в 1954 г. была антиконституционна, что служит важным историко-правовым и моральным обоснованием прав России на Крым еще с XVIII в. К сожалению, в международно-правовом аспекте, в частности в Меморандуме 1994 г. (о котором подробнее ниже), формально (хотя и без прямого упоминания Крыма) Россия, можно толковать, имплицитно признала территориальную целостность тогдашней Украины.

Что же касается крымского референдума, представляется юридически оправданным трактовать его в двух аспектах: 1) само проведение референдума и 2) реализация его результатов.

Итак, проведение референдума. Статья 138.2 Конституции Украины прямо относит к ведению Автономной Республики Крым “организацию и проведение местных референдумов”, причем без каких-либо ограничений по их предметному содержанию. Право проведения местных (не только в Крыму) референдумов закреплено также и в ст. 38 Конституции Украины.

В этой связи неосновательны любые суждения о якобы нелегитимности референдума 16 марта 2014 г. в Крыму о его государственном статусе.

По сути, единственное “нестандартное” обстоятельство самоопределения Крыма, по-видимому, лишь в том, что в новейшее время не наблюдалось казусов самоопределения народов с одновременным присоединением к другому государству (обычным было создание самостоятельных государств: Косово, Турецкая Республика Кипр, Абхазия, Южная Осетия, Черногория

и др.). В то же время нет в международном праве и запрета на добровольное, без принуждения присоединение самоопределившегося государства к другому государству.

Попытка заведомого объявления нелегитимности крымского референдума (предпринятая в марте 2014 г. рядом стран, представленных в Совете Безопасности) прямо противоречит условиям Пактов о правах человека 1966 г., гарантирующих гражданские и политические права и свободы человека: “Никакое ограничение или умаление каких бы то ни было основных прав человека, признаваемых или существующих в каком-либо участвующем в настоящем Пакте государстве в силу закона, конвенций, правил или обычаев, не допускается под тем предлогом, что в настоящем Пакте не признаются такие права или что в нем они признаются в меньшем объеме” (ст. 5 Пакта о гражданских и политических правах)⁴. И хотя в самом Пакте не акцентируется право на референдумы, но как раз в Конституции Украины (участнице Пакта) это право прямо обусловлено.

Так обстоит дело с самим правом проведения референдума, независимо от его предмета и результатов. И если бы крымчане проголосовали за оставление Крыма в Украине, очевидно, какие-либо претензии к референдуму, как таковому, отпали бы сами собой. Но результаты референдума оказались исключительно и предвидимо “про-российскими”. Наветы о якобы голосовании “под дулами автоматов” совершенно бездоказательны. Неизвестно ни одного (!) достоверного факта какого-либо давления, тем более силой оружия, на людей, пришедших на референдум (что, кстати, подтверждают и многочисленные наблюдатели).

Но отделение Крыма от Украины неизбежно означает изменение ее территории, а это – “нарушение” ст. 73 Конституции Украины, которая гласит, что “исключительно *всеукраинским* (курс. мой. – Г.В.) референдумом решаются вопросы об изменении территории Украины”. Возникает, однако, вопрос: соответствует ли эта статья международному праву?

3. Право народов на самоопределение и соотношение этого права с принципом территориальной целостности государств

Принцип равноправия и самоопределения народов фигурирует в ст. 1 Устава ООН и прямо

трактруется в качестве первоначальной *меры для укрепления всеобщего мира*.

Далее, в первых же статьях как Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, так и Пакта о гражданских и политических правах (оба Пакта от 16 декабря 1966 г.)⁵ прямо записано: “Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие”.

Пункт 2 ст. 2 упомянутого Пакта о гражданских и политических правах предусматривает, в частности, что “каждое участвующее в настоящем Пакте государство *обязуется принять необходимые меры в соответствии со своими конституционными процедурами и положениями настоящего Пакта* (курс. мой. – Г.В.) для принятия таких законодательных или других мер, которые могут оказаться необходимыми для осуществления прав, признаваемых в настоящем Пакте”.

В п. 3 ст. 1 того же Пакта предусматривается также, что “все участвующие в настоящем Пакте государства... должны в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право”. Более ясно сказать трудно!

Равным образом и согласно Принципу VIII Хельсинкского Заключительного акта (1975 г.) “все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие”. При этом исключаются любые “формы нарушения этого принципа”⁶.

Из смысла приведенных международно-правовых норм с очевидностью следует, что во исполнение их государства обязаны привести свое внутреннее законодательство в состояние, реально обеспечивающее право народов на самоопределение.

В этой связи возникают два вопроса: первый – может ли самоопределение народа, в том числе включающее по желанию народа и его

⁴ См.: Действующее международное право. Т. 2. М., 1997. С. 11–30.

⁵ Россия, Украина и подавляющее большинство других стран мира – участники этих Пактов.

⁶ Во имя мира, безопасности и сотрудничества. К итогам Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки 30 июля – авг. 1975 г. М., 1975. С. 21, 22.

независимый, суверенный политический статус самостоятельного государства, произойти без изменения территориальной целостности государства, от которого отделяется новое государство? Естественно, – нет.

Второй – может ли вопрос о выходе самоопределяющегося государства из состава прежнего государства решаться на референдуме не одним *самим самоопределяющимся народом*, но только со всем народом того государства, от которого осуществляется отделение?

Думается, такое “коллективное” голосование всего как отделяющегося народа, так и “не отделяющегося”, заведомо сводит на нет возможность самоопределения. Да, и само понятие самоопределения конкретного народа совершенно искажается, и смысл его выхолащивается. Если, например, на предполагаемом в 2014 г. референдуме об отделении Шотландии от Великобритании можно ожидать положительного результата при условии, что референдум будет только для населения самой Шотландии, то трудно себе и вообразить такой же результат, если участвовать будет население всей Великобритании. То же самое касается и применения ст. 73 Конституции Украины. Если следовать “букве” статьи, смысл ее *явственно противоречит приведенным выше международно-правовым обязательствам Украины*, касающимся соблюдения принципа самоопределения народов.

Но дело осложняется еще и тем, что в соответствии со ст. 9 Конституции Украины “действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства Украины”. Налицо, таким образом, очевидная коллизия между конституционными обязательствами выполнения Украиной своих договорно-правовых обязательств и конституционными же условиями приведенной выше ст. 73.

Возникает в принципе фатальный вопрос: вправе ли особая общность граждан Украины, составляющая народ (часть народа всей страны), использовать свое право на самоопределение, уважать которое власти Украины должны в силу ее международно-правовых обязательств? Или же, следуя “букве” ст. 73 Конституции, фактически надо отказаться от *реального* использования права на самоопределение?

Проблема примата международного или национального права в случаях их коллизий трактуется, что касается доктрины, по-разному. Именно исследователи из западных стран (Х. Лаутерпахт,

У. Бишоп, К. Иглтон, Х. Кельзен и многие другие) склонны к признанию примата международного права и исходят из “прямого” действия норм международных договоров для субъектов внутреннего права государств-участников. Отечественная же школа международников (Г.И. Тункин, Е.Т. Усенко, Л.А. Лунц, И.И. Лукашук, Г.В. Игнатенко, Г.М. Вельяминов и др.) придерживается в основном концепции необходимой санкции государства (рецепция/трансформация – генеральная или специальная) для придания нормам международных договоров правовой силы в национальном праве государства-участника⁷.

Важно то, что дилемма эта на сегодня не находит прямого решения в действующем объективном универсальном международном праве. Возможно, ясность в этот исключительно многозначимый вопрос могло бы, например, внести консультативное заключение Международного суда ООН. Но и на это в современных разнонаправленных геополитических условиях мало надежды. Что же остается? И что же действует в реальной политике? Государства, очевидно, действуют по обстоятельствам в каждом конкретном казусе в меру прежде всего своей реальной силы – экономической, политической, информационной, военной.

Так, например, США “продавили” силой (включая бомбардировки Сербии) отделение Косово от Сербии без особых референдумов как в самом Косове, так и во всей тогдашней Сербии, а также и без оглядки на какие-либо соответствующие сербские конституционные законы.

Зато при отделении Крыма от Украины сама даже идея какого-либо референдума отвергалась так называемым “Западом”, что называется, “с порога”. Известный подход “двойных стандартов” обозначился при этом во всей своей красе. Чем при этом руководствовались в марте 2014 г. 13 представителей государств – членов Совета Безопасности, которые, по сути, вопреки Уставу ООН пытались отвергнуть право народа Крыма на самоопределение? Очевидно, лишь уступая напору известной всем силы. А сила эта при необходимости произвольно используется по всему миру – от Вьетнама (1965–1973), Гренады (1983) и т.д. до наших дней.

⁷ См. подробнее, в частности: Вельяминов Г.М. Применимость международного права к спорам между государствами и иностранными лицами // Гос. и право. 2013. № 6. С. 78–85.

4. Меморандум 1994 г. о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия

Значение этого Меморандума, подписанного Россией, Великобританией, США и Украиной, видится в связи с внутригосударственным кризисом на Украине в особенности в том, что п. 2 Меморандума закреплял обязательство России, Великобритании и США воздерживаться от “угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости Украины”. Согласно Меморандуму Россия, Великобритания и США подтвердили Украине и свое обязательство уважать “существующие границы Украины”⁸.

При толковании обязательств, вытекающих из Меморандума, принципиально важно иметь в виду, что именно реально является предметом его регулирования. Предмет этот – совместная гарантия тремя странами военно-ядерной безопасности Украины в связи со вступлением ее в Договор о нераспространении ядерного оружия. Именно в связи с этим (и только в связи с этим) и предоставлялась Украине гарантия в том, что ее безъядерный статус не повредит ее безопасности. Однако гарантия эта не универсальна и не действует на веки вечные независимо от того, как сама Украина соблюдает общепризнанные принципы международного права (в том числе принципы уважения прав и свобод человека, самоопределения народов и т.д.), а также связаны ли вообще некие угрозы ее безопасности именно с ее безъядерным статусом.

Особо следует подчеркнуть, что в Меморандуме последовательно говорится всякий раз фактически о *коллективном* обязательстве трех стран-“гарантов” (Россия, Великобритания и США) перед Украиной по тому или иному конкретному предмету гарантии (уважение суверенитета, границ, угроза силой, политическая независимость и т.п.). А в случаях возникновения ситуаций, затрагивающих соответствующие конкретные коллективные обязательства, предусматриваются консультации всех четырех государств – участников Меморандума. Но отнюдь при этом не предусматривалось каких-либо *индивидуальных* обязательств каждого из трех государств-“гарантов” перед Украиной.

Притом все это касалось границ и состояния Украины на 1994 г., и соответствующие

конкретные коллективные обязательства подпадают под общий принцип права “*rebus sic stantibus*” (неизменность существующих обстоятельств), т.е. обязательства действовали при существовавших тогда обстоятельствах, порядке и законности на Украине, которых ныне там не существует. Нет там и законного правительства. Иначе – изменился сам субъект права.

Кроме того, границы, естественно, не могут оставаться неизменными в случае выхода из Украины какой-либо из ее частей в силу международно-правового принципа самоопределения народов.

5. Нацификация Украины и перспективы умиротворения

Статья 18 Конституции Украины предусматривает *соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права*. Новая власть, между тем, начала свою “законотворческую” деятельность с демонстративного нарушения общепризнанного принципа основных прав и свобод человека, поставив целью отмену украинского Закона “О принципах государственной языковой политики” 2012 г., обеспечивавшего, кстати, лишь *минимальные* языковые и т.п. права для огромной массы не только коренного русского населения, но и других этнических неукраинцев – русинов, венгров, молдаван, евреев, крымских татар, цыган и др., традиционно проживающих на территории, образующей современную Украину.

Изначально с созданием самостоятельной Украины под воздействием ультранационалистической официально насаждавшейся идеологии фактически последовательно не соблюдалось прежде всего право обучения на родном языке (ст. 33 Конституции Украины). Школа, образование – самые эффективные средства привития ребенку чуждой национальной идентичности. Это особо касается и высшего образования. Уже в начале 90-х годов, например, Харьковский юридический институт переведен был на украинский язык с изначального обучения на русском. Научные диссертации могут на Украине выполняться и защищаться только на украинском языке и т.д. Гражданам, не владеющим украинским языком, понималось, не нужно и высшее образование.

Новая власть на Украине первым же законопроектом явно провокационно поставила целью фактически изъять русский язык из обращения, попирая гуманитарные права русскоязычного населения. Это вызвало справедливое возмущение и спровоцировало заранее

⁸ <http://docs.pravo.ru/document/view/18560692/16244145>

предсказуемые повсеместные народные волнения в Крыму и в Юго-Восточной Украине. Одновременно вооруженные пробандеровские формирования развернули настоящие антирусские чистки и погромы местных администраций с “назидательным” показом по телевидению.

Россия не может оставаться безучастной к нарушениям прав и свобод человека в соседней этнически родственной Украине. В соответствии с принципами Хельсинкского Заключительного акта 1975 г. Россия имеет право “прилагать усилия совместно и самостоятельно, включая в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, в целях содействия всеобщему и эффективному уважению их” (т.е. прав человека. – Г.В.).

Это же относится и к правам и обязанностям как России, так и Украины согласно упомянутым выше международным Пактам о правах человека 1966 г.

Необходимо, чтобы как нынешняя, так и будущие власти Украины, а также и ее заокеанские и европейские “опекуны” исходили бы не из желаемого, а из реального: Украина – не мононациональная, но многонациональная страна, а русским языком в ней владеет, пожалуй, не меньше людей, чем самим украинским! И если русскому языку не будет придан статус *государственного* (как немецкий, французский и итальянский в разных кантонах Швейцарии или как шведский и финский языки в Финляндии, нидерландский и французский в Бельгии и т.д.), и если на Украине не будет обеспечена по крайней мере самая широкая культурная, языковая, образовательная и т.п. автономия для русскоязычного населения, соответствующие регионы рано или поздно могут пойти по крымскому пути. Ведь русские люди на Украине – не некие пришельцы, мигранты, но *коренное* (!) население, и его украинизация аморальна, противоправна и безнадежна.

* * *

В ходе Второй мировой войны Советский Союз (продолжательницей которого является Россия) при разгроме фашизма, причем не только гитлеровского, но и бандеровского, понес в человеческом исчислении больше потерь, чем все остальные страны антигитлеровской коалиции, вместе взятые! И кому как не России проявлять большее беспокойство в связи с откровенными, уже более двух десятилетий планомерно насаждаемыми воинствующим пробандеровским национализмом и русофобией на Украине – ближайшем соседе России.

Россия в связи с угрозой возрождения нацизма обязана заранее обеспечить свою оборону в рамках, в частности, ст. 51 Устава ООН. Опыт Второй мировой войны и предшествовавшей ей мюнхенской “политики умиротворения” агрессивного фашизма свидетельствуют, что оборона должна быть *превентивной*. Нельзя ждать, когда фашизм наберет силу для открытого нападения и развязывания большой войны.

В этой связи Постановление Совета Федерации РФ о возможном введении Вооруженных сил на Украину от 1 марта 2014 г. должно трактоваться не как угроза, но как защита политической стабильности Украины в условиях вооруженного захвата власти неконституционным путем “оппозицией” и происходящего в ней нацификационного беспредела, угрожающего и России.

6. Позиции России по Крыму

В свете международного права самоопределение народа Крыма (пока действуют Устав ООН и Пакты о правах человека 1966 г.) безупречно правомерно.

Вопрос: имела ли Россия право принять в свой состав Крым, народ которого просил об этом? Международное право ограничивает такое право России, только если речь идет о насильственном присоединении, об аннексии территории самоопределившегося народа. Но, как ярко показали результаты референдума, напротив, имело место фактически всеобщее ликование народа Крыма, воссоединяющегося с Россией! Безответственные заявления о том, что якобы голосование на референдуме проходило “под дулами автоматов”, – полная и злостная клевета.

Могла ли Россия отказать народу Крыма? Разумеется, могла, но Россия выбрала правильное положительное решение – и не только потому, что отказ был бы более чем аморален. Но стоило подумать и о том, что произошло бы в случае отказа. Украина, несомненно, не “отпустила” бы Крым от себя. Кроме этнических “чисток” это означало бы (что и не скрывалось) изгнание нашего Черноморского флота из Севастополя, который со дня его основания всегда оставался только российским, а также появление в нашем “подбрюшье” американских так называемых ПРО и натовских явно ориентированных против России военных баз. И где? – в исторически российском Крыму, суверенитет над которым зиждился как на многократно пролитой за него крови российских солдат и матросов, так и на международно-правовых актах, закреплявших победы России! А не на капризе бывшего советского генсека Н.С. Хрущева, при

котором внутрисоветская передача Крыма в административное подчинение Украины не была закономерно оформлена ни внутри СССР, ни тем более в международно-правовом порядке.

Создается впечатление, что крушение именно этих перспектив в свете последовательной политики “сдерживания” России и окружения ее цепью натовских кордонов и вызвало столь бурную реакцию со стороны прежде всего США с угрозами и осуществлением всевозможных санкций против России, обвиняемой чуть ли не в агрессии, и т.п.

Речь уже не идет о международном праве – затронута “святое”: мировая гегемония, на которую после крушения Советского Союза претендуют и, увы, часто осуществляют американские “ястребы”. Это очень наглядно и откровенно продемонстрировано было чересчур экспансивной представительницей США в ООН С. Пауэр, которая в марте 2014 г. в перерыве заседаний Совета Безопасности, накинувшись на представителя России В.И. Чуркина, гневно возмущалась поведением России, которая, дескать, не должна забывать, что она не “победитель”, но “побежденная”. И эта скандальная демонстрация “права силы”

растиражирована была в Интернете по всему миру.

Но всему есть предел. Если без конца нагнетать пружину широко известной натовской политики всяческого так называемого “сдерживания” России, пружина эта, естественно, неизбежно когда-нибудь распрямляется. Нельзя в этой связи не вспомнить и ныне архаичный юридически (но не политически) принцип “*ultima ratio*” (“крайний довод”). Когда все правовые аргументы перестают восприниматься адекватно и когда доводы одной стороны разбиваются о стену нежелания другой стороны понимать эти доводы, тогда, образно говоря, разбуженный медведь идет напролом против всей облавы.

* * *

Что же до развернутой по всему миру информационной войны против России, то самую яркую и верную оценку такой шумихе дал, как это ни парадоксально, чуть ли не 200 лет назад наш великий поэт и патриот А.С. Пушкин в своем стихотворении “Клеветникам России”, к которому и отсылаем заинтересованного читателя.